

УДК 821

ГОРЬКИЙ – ЧИТАТЕЛЬ И КРИТИК О’ГЕНРИ

© 2011 г.

И.В. Куреева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

urtminzeva@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2011

Статья является результатом исследования американской и русской критики, посвященной О’Генри, и помет Горького, сделанных в книгах из собрания сочинений американского писателя, которое хранится в личной библиотеке Горького в Москве. Открывается возможность новых подходов к оценке творчества О’Генри и других американских писателей.

Ключевые слова: Горький, личная библиотека, этикетки, восприятие американской литературы, О’Генри.

Отношение А.М. Горького к выдающемуся представителю жанра короткого рассказа в Америке – О’Генри – не было однозначным. Первый и наиболее развернутый отзыв Горького об О’Генри содержится в его письме к Нарбуту, написанному 17 августа 1925 года из Сорренто. Горький-критик ставит имя О’Генри рядом с именами своих любимых писателей – Джека Лондона и Джозефа Конрада. Объединяющее данных писателей начало Горький усматривает в свойственном им романтическом пафосе.

Успешное развитие литературного процесса XX века в США Горький связывал с обогащением реализма романтизмом, их взаимодействием. Он горячо приветствовал ростки подобных явлений в американской литературе 20–30-х гг. Сравнивая европейскую и американскую литературу, Горький отдавал предпочтение последней именно в силу того, что ее представители более определенно, как ему казалось, нащупывали новые пути в развитии художественной мысли. «... становится все более любопытна литература США Америки, – писал Горький в письме Д.А. Лутохину, – любопытна возникновением в ней романтизма» [1, с. 244].

Наряду с этим, Горький решительно выступает против ложно-романтической тенденции, все более определенно заявляющей о себе в американской и европейских литературах этого периода. Глубокой тревогой за будущее литературы проникнуто письмо Горького к М.М. Пришвину от 20 ноября 1923 г. «... всюду в Европе, – пишет Горький, – наблюдается прогрессирующее понижение интереса и внимания к культуре. В чести только авантюрные романы вроде “Ат-

лантиды”, “Тарзана” и т.д. – это читают» [2:29, с. 418].

Творчество Берроуза воспринималось Горьким как наиболее яркое воплощение ложно-романтической традиции, проникновению которой в молодую советскую литературу он считал своим долгом всячески препятствовать. Характерны в этом плане материалы переписки писателя с сотрудниками издательства «Время». В письме к И.Б. Вольфсону Горький с горечью замечает, что «...современный читатель “тарзанизирует” себя не только “Тарзаном”, но и кинематографом» [1, с. 402].

Та же проблема «ложного романтизма» затрагивается Горьким в связи с оценкой выпущенной в 1924 году издательством «Время» книгой Г. Форда «Моя жизнь, мои достижения». В письме к И.В. Вольфсону, относящемуся к этому периоду, Горький писал: «Американская идеализация энергии – штука страшноватая и требует для русского читателя распространенных пояснений...». Полемику с Фордом и насаждавшейся им романтической идеологией Горький продолжает в предисловии к книге Л. Локнера «Генри Форд и его корабль мира» (1936).

В контексте всех этих наблюдений Горького за ложно-романтической идеологией и ее художественным воплощением в литературе и следует подходить к пониманию той полемики, которую он ведет с О’Генри. Горький не приемлет в новеллистике О’Генри пресловутых “хэппиэндов”; которые представляются ему ложно-романтическими, сконструированными на потребу не очень взыскательных читательских вкусов. Признавая, что Лондона, Конрада и

О'Генри читают охотнее, чем русских, потому, что они пишут «романтичнее, фабульнее и о незнакомом», Горький тем не менее высказывает опасение, что знакомство с последним может отвлечь читателя от истинных путей борьбы за достижение жизненных идеалов. «...Плохо, что читают О'Генри, это писатель ловкий, но не очень талантливый, и он вреден потому, что внушает людям надежды на случайное, на большое счастье. Продавщицы из магазинов выходят замуж за миллионеров, клерки женятся на богатых красавицах, все это очень утешительно, сентиментально и фальшиво» [1, с. 64].

И одновременно, сравнивая О'Генри с советскими писателями, грешащими подобными тенденциями, – А.Я. Дорогойченко, М.И. Волковым, В.П. Лазаревым – Горький, со свойственной ему объективностью, говорит о преимуществе О'Генри, пишущего «забавнее, искуснее» «...читатель хочет романтизма, – поясняет свою мысль Горький, – это несомненно. Он требует, чтобы о знакомом ему рассказали интересно, незнакомо, чтоб в то, что он переживает и пережил, было внесено что-то углубляющее, украшающее. Он видит, что современная действительность интересней ее отражений в книгах и чувствует, что книги чего-то не договаривают, а некоторые кое-что замалчивают, скрывают. К противоречиям старого и нового у нас подходят неумело, изобретают их грубо и слишком торопятся примирить их. О'Генри примиряет хитрее. Конрад и Лондон делают это талантливей» [1, с. 50].

Имя О'Генри упоминается и в письме Горького к К. Федину (Сорренто. 17 сент. 1925 г.) Он вступает в полемику с К. Чуковским, который, с его точки зрения, «так нелепо и неумело прославил О'Генри, писателя, утешающего продавщиц и клерков надеждами на счастье; замужество или женитьбу на богатых». «Тошнотворно сентиментален, – резюмирует свою мысль Горький. – Это даже американцы поняли» [3, с. 497]. Речь здесь, надо полагать, идет об изданной годом ранее, в 1924 г., книге О'Генри «Благородный жулик и другие рассказы», которой было предпослано предисловие К. Чуковского.

Лучшим доказательством неослабевающего интереса Горького к творчеству О'Генри является внимательное, с карандашом в руках, прочтение его рассказов. В личной библиотеке писателя в Москве хранится собрание сочинений О'Генри [4]. В нем Горьким сделаны 19 помет. Постраничные пометы Горького есть в рассказах: «Дверь в мир», «Авантюристы», «Мисс

Флоренс – голубое перо», «Сделка», «Искатели приключений», «Налет на поезд», «Люби ближнего», «Одинокая дорога», «Ходкая книга», «Дружба», «Чудо», «Кабальеро».

Пометы Горького в рассказах О'Генри так же, как и в других произведениях зарубежной литературы, нуждаются в расшифровке. Условно они могут быть подразделены на «содержательные», то есть имеющие отношение к содержанию повествования, и стилистические, связанные, как правило, с несовершенством перевода. Сошлемся на конкретные примеры. Горький внимательно следит за развитием сюжета в рассказе «Среди текста». Он делает пометы на страницах 51, 53, 54, 55. Главный герой этого рассказа Фергус Мак-Маган – красавец, уверенный в том, что «для человека довольно быть красивым», чтобы побеждать женщин и иметь успех, оказывается побежденным самым безобразным человеком Америки, блистательным оратором Джедсоном Тетом. «Красив тот, – заключает О'Генри, – кто красиво говорит». Рассказ О'Генри изобилует аллюзиями из всемирно известной книги Ростана «Сирано де Бержерак», и Горький очень чутко улавливает внешнюю, сюжетную близость произведений двух писателей, принадлежащих к разным эпохам, обладающих разной степенью таланта и художественного вкуса. М. Горький очень высоко ценил творчество Эдмона Ростана, а своими впечатлениями от спектакля «Сирано де Бержерак», который видел на сцене Нижегородского театра, он делился с А.П. Чеховым [5].

Наблюдения подобного характера отмечены Горьким и при чтении рассказа «Дверь в мир». Это типичный образец жанра развлекательной остросюжетной новеллы в творчестве О'Генри. Перед читателем разворачивается история страшных тайн, которые раскрывают друг перед другом двое молодых людей. Она – миссис Конант, отравила своего мужа, влив в его пунш «больше чайной ложки акапитовой настойки, – порции, достаточной для того, чтобы убить трех человек»; он – Ральф Мэррием – убивает выстрелом из пистолета миллионера Хеджа, опустившего на его голову, после изрядной выпивки, тяжелый стул. Конец новеллы вполне благополучен. Действие переносится в маленький тропический городок Ла-Пас, «Мэррием и миссис Конант были очень счастливы. Они объявили о своем обручении в отеле» [4, с. 288]. Горький обратил в этом рассказе особое внимание на авторский комментарий к хэппиэнду. В тексте отчеркнуты слова Мэрриета, передающие его реакцию на признание миссис Конант в

отравлении мужа, сделанном весьма легко и артистично: «Эхма! В таких случаях люди начинают разговаривать удивительно искусственной прозой. Но ничего с этим не поделаешь. В каждом из нас живет, в подсознательной области, актер, становящийся в позу, как только он завидит огни рампы. Взволнуйте как следует глубину души вашей кухарки, и она заговорит в стиле героинь Бульвер-Литтона» [4, с. 287].

Упоминание в контексте рассказа имени Бульвер-Литтона не случайно. Творчество Бульвер-Литтона привлекало Горького своей острой сюжетностью, занимательностью, гуманистическим пафосом. Романы его были в числе первых книг, прочитанных будущим писателем. Вспоминая о своем становлении как личности, Горький делает следующее признание в статье «Как я учился писать»: «В ту пору я уже читал переводы иностранных романов, среди которых мне попадались и книги таких великолепных писателей, как Диккенс и Бальзак, а также исторические романы Энсворта, Бульвер-Литтона, Дюма. Эти книги рассказывали мне о людях сильной воли, резко очерченного характера, о людях, которые живут иными радостями, страдают иначе, враждуют из-за несогласий крупных» [2:24, с. 479]. Такие герои в сознании молодого Горького противостояли пошлости и мелочности мещанского бытия. Имя Бульвер-Литтона, автора романа «Кинельм Чиллингли», упоминается Горьким в одном ряду с именами Стендаля, автора романа «Красное и черное», А. Мюссе, создателя «Исповеди сына века», Р. Синкевича, автора романа «Без догмата». В письме к А.К. Виноградову (Сорренто. 1 сент. 1930 г.) Горький писал, что названные выше романы, с точки зрения писателя, являются прекрасным материалом для написания «Истории одного молодого человека». Человек этот, подчеркивает Горький, – «самая любопытнейшая, да и значительная фигура XIX века» [2:30, с. 181]. Упомянутый выше роман Бульвер-Литтона впоследствии был включен Горьким в серию «История молодого человека XIX столетия», выпущенную под его редакцией в 1932 г.

В новелле «Налет на поезд» Горького привлекла сцена грабежа в вагоне скорого поезда. Грабитель, от имени которого ведется рассказ, был разочарован тем, что у пассажира, похожего на принца Альберта, не нашлось в карманах ничего, кроме гармошки. Он заставляет его играть на этой гармошке в течение всего времени, пока идет грабеж. Помета сделана Горьким к следующей сцене: «Он (пассажир. – И.К.) взял гармошку, стал краснее свеклы и начал дуть в нее. Он наигрывал жиденькую мелодию, кото-

рую я слышал, когда был ребенком. Что-то вроде: «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!»

Я заставил его играть все время, пока мы были в вагоне. Временами он уставал и сбивался с тона: тогда я направлял на него револьвер и спрашивал, что случилось с детьми, не опоздали ли они в школу?!» [4:III, с. 203]. Слова песенки, мотив которой наигрывал «принц Альберт», отчеркнуты Горьким. Скорее всего, помета эта связана с русификацией перевода. Песенка «Дети, в школу собирайтесь» – сугубо русская, и вряд ли ее мог знать и напевать пассажир американского поезда.

В рассказе «Одинокая дорога» Горького привлекла тема женщины. Проблема взаимоотношений мужчины и женщины, деградации мужчины в современном мире, утраты им своей лидирующей роли в семье и обществе постоянно находилась в сфере внимания писателя. В горьковской библиотеке был, как известно, большой подбор книг из серии «История женщины». В комическом рассказе О'Генри представлена история Перри Раунтри, женившегося на хорошенькой женщине – Марианне – и потерявшего облик мужчины. «Человекоубийство» – вот что совершила Марианна» [4: III, с. 42].

Помета Горького относится к следующему рассуждению о женщинах, вложенному в уста Бэка Кеннертона, помощника городского мэра, от имени которого ведется повествование: «Странная штука – женщины, – продолжал он (Бэк Каннертон. – И.К.), – хотел бы я знать, какое место они должны занимать в человеческой ботанике. Если бы мне предложили классифицировать их, я назвал бы их беленой. Ты когда-нибудь видел лошадь, наевшуюся белены? Подъезжай с ней к луже воды шириной в два фута, и она фыркнет и отпрянет назад. Ей эта лужа покажется шириной с Миссисипи». Концовка рассказа, как всегда у О'Генри, неожиданна и парадоксальна. Иронизирующий над Перри Раунтри Бэк Кеннертон, попавший под обаяние Марианны, приходит к выводу о том, что «круглого идиота зовут вовсе не Перри Раунтри» [4: III, с. 248].

Горькому была близка поставленная О'Генри в этом рассказе тема деромантизации характеров в жизни и быте современных индейцев. Хэнки, от имени которого ведется повествование, спрашивает автора, имеет ли он представление об индейцах. «Я подразумеваю, – поясняет Хэнки свой вопрос, – не индейцев Купера или тех, что на сигарных коробках. Я говорю о современных индейцах, которые получают в колледже награду за греческий язык и скальпи-

ругают своего приятеля на футбольном поле, о том индеец, который пьет чай с печеньем на файв-о клоке у дочери профессора биологии и набивает свой желудок кузнечиками и жареной гремучей змеей, когда возвращается в вигвамы своих предков» [4: III, с. 115]. Такова и главная героиня рассказа «Мисс Флоренс – голубое перо» – чирокская девушка, которая, как замечает Хенки, «была белее вас и гораздо образваннее меня».

В рассказе «Ходкая книга» Горького заинтересовал монолог Пескьюда, читавшего одну из многочисленных «ходких книг» О'Генри под названием «Дама с розами и мистер Тревилян». Джон Пескьюд дает характеристику подобного рода литературе, героем которой чаще всего выступает некий американский франт, совершающий умопомрачительные подвиги. «Он избивает швейцарских телохранителей короля каждый раз, когда они попадают к нему поперек дороги. Ко всем прочим достоинствам американский франт еще и отчаянный фехтовальщик...» [4: III, с. 251]. Авторская позиция в этом рассказе близка Горькому, неоднократно обращавшемуся в своих многочисленных статьях к теме деградации буржуазной литературы и искусства.

Многие пометы в рассказах О'Генри относятся к языку и стилю перевода. Так, в рассказе «Авантюристы» Горький останавливается на характеристике Фергуса Мак-Магана: «Говорили, что он был копией со статуи Герр Меса...» У Горького подчеркнута искаженное имя древнегреческого бога. Правда, из текста рассказа выясняется, что на подобное искажение О'Генри идет сознательно. «Я думаю, – признается далее рассказчик, – что этот Герр Мес был какой-нибудь немецкий анархист» [4: III, с. 51]. Аналогичного характера помета есть в рассказе «Ходкая книга». В описании безумных подвигов американского франта упоминается «балтиморольмеевская ночь», во время которой герой побеждает шесть отрядов изменников. Слово «балтиморольмеевская» вместо «Варфоломеевская» подчеркнута Горьким [4: III, с. 251].

В рассказе «Чудо» Горький выделяет неудачную в стилистическом и смысловом отношении фразу: «Налившееся сердце, кровью ударя о ребра, причиняло им боль» [4: IV, с. 83]. В новелле «Искатели приключений» Горький ставит знак вопроса к слову «радио-трамвай». В рассказе «Кабальеро» подчеркнута слово «чухонец», употребленное вместо слова «финн». Первое содержит, как известно, уничижительный оттенок. Внимательно было прочитано Горьким и послесловие к четырехтом-

ному изданию О'Генри, написанное Б.М. Эйхенбаумом. В нем подчеркнуты строки, посвященные отношению русского читателя к зарубежной литературе. «Правда, русская литература была всегда в очень близких отношениях с западной, но лет десять-пятнадцать назад переводные романы скромно ютились в журналах и страницы, ими заполненные, нередко оставались неразрезанными. Так продолжалось до 1917–1923 г.» (подчеркнуто Горьким) [4: IV, с. 239]. Мысль критика была созвучна Горькому – организатору издания «Всемирная литература».

Горький вносит поправку к заключительным строкам послесловия. Стремясь приподнять О'Генри в глазах серьезного читателя, Б.М. Эйхенбаум останавливается на его неоконченном, посмертно изданном рассказе «Сон». «По-видимому, – делает предположение Б.М. Эйхенбаум, – это должен был быть совершенно серьезный и даже «жуткий» рассказ. Тюрьма, преступники, приговоренные к смертной казни, наступает час, когда одного из них ведут в зал, где должна состояться казнь электричеством и где собралось около 20 человек – тюремные власти. На этом рукопись обрывается, но известно, что О'Генри имел в виду развернуть дальше картину, которая возникает в воображении осужденного и совершенно закрывает собою действительность – картину тихой семейной жизни: уютный домик, жена, маленький ребенок, суд, тюрьма, приговор – это страшный сон. Да, это счастье, это действительность. По данному знаку включается роковой тон. «Муррей был обманут сном» [4: IV, с. 239].

Продолжая полемику с О'Генри-художником, Горький выявляет национальные корни его «философии утешения». О'Генри, с точки зрения Горького, «был типично американский писатель, который утешал: «Ну ладно, плохо, мол, живется, но возможны вот такие случаи: можно выйти замуж за миллионера, можно жениться на миллионерше, можно найти еще что-нибудь! Это типично американская литература, которая, можно надеяться, скоро исчезнет. Америка находится в таком состоянии, что словами не утетишь» [2:26, с. 92].

Возвращаясь к этой теме год спустя, рецензируя рукопись молодого писателя, автора рассказа «Конец япончика», Горький советует ему отказываться от «блатной романтики». Эта романтика книжная, – поясняет свою мысль Горький, – ее насадили американцы, в особенности Брет Гарт и О'Генри [2:27, с. 228]. И, наряду с этим, Горький здесь же, в «Беседе с молодыми» (1934), констатирует историческую неизбеж-

ность и прогрессивность появления подобной романтики в Америке, освобождавшейся от пуританской морали и идеологии.

«Социальная романтика» была тем качеством, которое открыло для О'Генри путь к широкому читателю. И сегодня творчество его привлекает своим демократизмом, чувством любви и сострадания к простым людям Америки. «Его занимательные истории, рассказы, новеллы-сказки увлекают, трогают, смешат» [1, с. 244]. Возвращаясь к Горькому, следует сказать, что не принимая определенных сторон мировоззрения и художественного метода О'Генри, он, со свойственной ему гражданственностью, резко осудил произвол американских властей, заключивших писателя в 1918 году в тюрьму «за ничтожное – сравнительно с деятельностью крупной буржуазии – правонарушение». «...В тюрьмах, – возмущенно писал Горький в статье «Воспитание правдой» (1933), – погибают такие талантливые люди, как, например, известный литератор О'Генри» [2:27, с. 61].

У Горького нет всестороннего анализа тех или иных произведений О'Генри – великолепного стилиста, мастера отточенной новеллистической формы. Его обращение к имени писателя было подчинено выработке общей концепции американской литературы XX века, плодотворное развитие которой он связывал с органическим слиянием обличительного и романтического начала.

Список литературы

1. Архив А.М. Горького. Т. XI. Наука, 1966.
2. Горький А.М. Собр. соч.: В 30-и тт. М.: ГИХЛ, 1955.
3. Литературное наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
4. Генри О. Собр. соч.: В 4-х тт. / Под ред. В.А. Азова и Н.Н. Горлина. Л.; М., 1925.
5. Горький А.М. «Сирано де Бержерак». Героическая комедия Эдмона Ростана / Нижегородский листок, 4–5 января 1900 г.

GORKY AS A READER AND CRITIC OF O. HENRY

I.V. Kireyeva

This paper is the result of a study of American and Russian critical literature on O. Henry and of Gorky's marks in the books of O. Henry's collected works currently stored in Gorky's personal library in Moscow. New approaches are now possible to the assessment of the work of O. Henry and other American writers.

Keywords: Gorky, personal library, labels, perception of American literature, O. Henry.